

Память сердца

Татьяна БАРАМЫКИНА

ДЕТСТВО НА РЯЗАНЩИНЕ

Я родилась в Москве, но детство моё прошло на Рязанщине, здесь были корни моего рода. Древняя земля, прекрасный уголок планеты. Каждый уголок пейзажа здесь пропитан историей. Мои родители построили дом в городе Сасово. Расположен Сасово в 381 километре от Москвы, на самой протяжённой в мире трансвосточной железнодорожной магистрали. С Казанского вокзала столицы проходят через город пассажирские и скорые поезда в Ташкент, Уфу, Челябинск, Ульяновск, Караганду, Саранск, Ашхабад, Душанбе. Ещё за несколько километров до остановки открывается из окон вагона панорама города, стоящего на горе. По другую сторону железной дороги – безбрежная ширь пойменных лугов с серебристыми лентами рек Цна, Сасовка, Пугус. Летом луга удивительно красивы, привлекают множество отпускников, приезжающих по автострате Москва – Куйбышев, она проходит в сорока километрах от Сасово. Вдали зеленеют Берестянская роща и Алёшинский лес. В лесах этих корабельные сосны, дубы и вязы достигали больших размеров. Люди портят природу, но зелёные существа, как их называет А. Чижевский, ещё сопротивляются человеку.

Город

Считается, что Сасово – один из молодых городов Рязанской области, как говаривали в годы моей юности – рождён Великим Октябрём. Как населённый пункт Сасово образовался в середине шестнадцатого века – в тот период русской истории, когда расширялось и укреплялось на своих грани-

цах централизованное государство во главе с Москвой. Местечку везло и не везло одновременно: находилось оно на границе степи и леса и подвергалось всем напастям. При «упорядочивании собирания оброков» Сасово включают то в Казанский край, то в Саратовский, то в Касимовский и, наконец, Тамбовский. При проведении губернской реформы Сасово вошло в Елатомский уезд Тамбовской губернии. И лишь 4 января 1923 года при разукрупнении Тамбовской губернии в состав Рязанской губернии были переданы Елатомский и Сасовский уезды. 19 июня 1926 года село Сасово было преобразовано в город.

Природные условия – сплошные леса и болотные топи – давали возможность крестьянам скрываться здесь от барского своеволия и набегов врагов со степи. Есть легенда, переходящая из поколения в поколение, о том, что некто смельчак Сас со своей ватагой совершал набеги на имения, но это всего лишь придумка. Этимология названия происходит от тюркского слова «сасы», что переводится как болотистая местность. Отсюда в русском языке остался глагол «засасывать».

Сведения о селе Сасово содержатся в писцовой книге по Шацкому уезду за 1626 год. Более ранние упоминания – о центре Елатьминского уезда, городе Елатьма, основанном татарами и мечею в 1381 году, и названному по имени мещерской княгини Елатьмы, жившей здесь и основавшей его. В экономических примечаниях к планам межевания Елатомского уезда Тамбовской губернии 1803 года имеется описание села Сасова: «На левом берегу безымянного от-

вершка (оврага) и по обе стороны речек Сасовка и Сухой Сасовка, безымянного оврага и большой дороги (имеется ввиду дорога из Шацка в Темников) церковь во имя рождества честного и славного пророка и предтечи Иоанна с пределами чудотворца Николая и казанския богоматери, дом господский, деревянный, при нём саду нет... На речке Сасовка при селении пруд и при нём мучная мельница о трёх поставках».

На территории Сасовского района у села Кошибеева расположен Кошибеевский могильник, стоянка первобытных людей. Академик Монгайт А. Л. в книге «Рязанская земля» пишет, что «Кошибеевский могильник является самым восточным и в то же время наиболее ранним из рязанских могильников». Есть в районе и другие археологические памятники славянских поселений: Вялсинское, Новоберёзовское, Староберёзовское, и Кондамышевское селища. Кроме Вялсинского, все они датируются XVI-XVII веками. В более ранние времена на территории района проживали финские племена и мордва. Был край населён и татарами, названия сёл напоминают об этом: Бастаново, Кошибеево, Тархань, Ишеева гора, Мурзянка.

Сасово упоминается в летописях на протяжении пятисот лет, но упоминаться не значит, что основано. В окрестностях города находится Темгеновское городище, образец крепости древних славян. Оно датируется XII веком и представляет собой сохранившийся до наших дней насыпной земляной вал из песка, камней и земли, ограничено с одной стороны глубоким оврагом, а с другой – рекой Цной. У городища проходит древняя дорога из Москвы в Казань, называемая в просторечии «казанкой». Именно по ней проезжал российский император Николай Второй, направляясь на вскрытие мощей Серафима Саровского. Ездили по ней многие замечательные личности, в том числе поэты Лермонтов и Пушкин, когда направлялся в степь за сбором материалов о Пугачёвском бунте. Сюда ездила на велосипеде и я с одноклассниками смотрю на раскопки.

Через Сасово проходила и вторая значимая для русской земли пустынная дорога – «крымка» – на юг. Именно по ней прошла в конце XIX века железная дорога. Первого сентября 1893 года на участке Рязань – Сасово Московско-Казанской железной дороги открылось пассажирское и товарное движение, а 22

декабря – на участке Сасово – Свияжск. К её строительству имел непосредственное отношение фон Мекк, чья жена, Надежда Филаретовна, оказывала помощь великому русскому композитору Петру Ильичу Чайковскому. Он же построил и железнодорожный мост через Цну. По обе стороны от моста находятся городские пляжи, на коих в летние каникулы с утра до вечера пропадает детвора. Сам город Сасово расположен на левом берегу реки, здесь очень широкой.

Сасово – жизнестойкий город. Он не покорился хану Батыю во времена татарских набегов, был сожжён до тла тамбовским воеводой Хитрово во времена разинских бунтов. И во все времена связан был со всем миром, так как изготовляли здесь отличные канаты и верёвки, какие покупали охотно корабели Англии, Швеции, Дании и других стран. Производился значительный торг пенькою, разных сортов канатов и бичевой и на внутренний рынок – в Санкт-Петербург, Рыбинск, Архангельск и другие города и сёла. Продукция вывозилась судами и гужем. Верёвочно-прядельное дело – исстари основное занятие сасовцев. Их верёвочные изделия были известны и до 1740 года, когда основан первый верёвочный завод Соловьёвых. В 1790 году открывается канатно-смольный завод братьев Смирновых. Затем возникают крупные производства Барышникова, Машкова, Плотникова и других. С давних времён уезды Тамбовской губернии – Елатомский, Шацкий, Моршанский, Спасский и частично Темниковский были крупными районами по производству пенькового волокна. Пенька готовилась в виде сырца обминкой пенькового быльника на ручных мялках. Обмятое волокно собиралось в пучки и скупалось пенькотрепальными верёвочными мастерскими и канатными заводами, находящимися в Сасово.

Во времена крепостного права часть Сасова принадлежала Ивану Тургеневу, имение его матери Варвары Степановны, село Тургенево, находилось всего в трёх километрах от города и дома моих родителей. Ещё часть Сасова принадлежала князьям Гагариным, древнему роду, чьи корни восходят к Юрию Долгорукому, основателю Москвы и собирателю земли русской. Павел Иванович Гагарин создал театр из крепостных девиц, а потом в Одессе – оперный театр. Известны в России и его внебрачные дети – знаменитый актёр Ленский и учёный-философ

Николай Фёдоров, ещё в XIX веке ратовавший за пользу научно-технического прогресса.

Земля

Древняя земля. По ней проходила граница Рязанского княжества. Неподалёку, на мысу, село Глядково. Там был дозорный пост, с которого просматривался Ногайский шлях и река, отсюда – глядеть – и название села. В 1563 году царь Иван Грозный распорядился отдать рязанскую землю тысяче дворян, но с условием, чтобы в полосе от шестидесяти – семидесяти и до четырёхсот вёрстах от Москвы поставили они крепостцы Московской оборонительной засечной полосы, с хорошим обзором, максимально используя естественные преграды и высокие холмы. Был, таким образом, основан острожец Шацк. Так называемые Шацкие ворота на Ногайском шляхе, по которому проходил Тамерлан и хан Тохтамыш на Москву, были закрыты для врагов. Ратники честно и достойно защищали рубежи Руси, о чём упоминает летопись середины XV века о битве при Листени, в которой есть и запись о том, что впервые были использованы массово воинами для передвижения лыжи. Кстати сказать, за всю свою многовековую историю Шацк никогда не был взят. Из Шацка родом муж моей сестры Галины Алексеевны Мельников Виктор Егорович, здесь похоронены родные, на могилки которых ездят зять и сестра.

Неподалёку находится село Янбарное. Здесь сложил в битве голову татарский хан Ян, в честь этого события и дано название поселению. На сорокаметровом береговом склоне ведётся в Янбарном карьере разработка карбонатного камня. Множество палеонтологических находок здесь сделано. И я с отцом бывала здесь, отсюда привезли мы камни с отпечатками древних папоротников, ими до сих пор пользуется мать при засолке грибов, капусты и яблок в кадках, как грузом – прессом. Часть находок передали в 1960 году создаваемому по инициативе учителя истории Сарычева Василия Андреевича краеведческому музею.

Здесь же, на границе Тамбовской и Рязанской областей, расположено село Алгасово, основанное братьями татарами Али и Гасаном, с середины XVII века известное как центр плетения изделий из лозы. На чудесных саночках, плетённых здесь, возили мы свою маленькую дочку в Сибири, они вызывали восхищение сибиряков и были украдены почти сразу.

В левобережии Цны стоит и Новотемниково. Название пошло от татарского «тьма» – темник – начальник над десятью тысячами воинов. В разинский бунт в окрестных оврагах собирались разбойники – кудеяры. Владел этим селом граф Пётр Разумовский, а потом его купила Екатерина Дашкова, сестра камергера Александра Воронцова, носившего титул светлости – один из двух человек в России, получивший этот титул за весь XIX век. Это та Дашкова, которая стала президентом Российской академии наук, составила шеститомный словарь русского языка, коллекцию минералов и много чего ещё. На рязанской земле стояла их усадьба. Центр села был выложен уже тогда булыжником, имелся телеграф, электричество, земская школа и в селе четыре школы! Велось образцовое хозяйство. В 1859 году был основан конезавод. Разводили орловских рысаков, знаменитых на весь мир. Два жеребца, Отбой и Приказ, от которых появилось на свет триста племенных жеребят, захоронены у стен завода в знак признательности. В селе основана ими и функционирует до сих пор школа искусств с отделениями ткачества, вышивки, гончарным, резьбы по дереву, лепки, народного костюма. Идущая параллельно реке Цне дорога делила усадьбу на две части, западную и восточную. В одной разбит огромный парк с восемью аллеями, составляющими вензель имени. Жаль, что чудесное это место изрядно сейчас загажено, но парку ездят во всех направлениях машины и трактора. Больно смотреть на советскую разруху.

На этой земле расцветала и духовная жизнь. Там, где в Цну впадает речка Выша, стоял мужской Успенский монастырь. По преданию, он был построен совсем в другом месте, но там жизнь монахов не задалась, скот убежал. Тогда пустили по воде икону Успенья Богородицы, и она приплыла к тому месту, где заново отстроили монастырь на правом берегу. Здесь святитель Феофан прожил в строгом затворе двадцать два года. Великая инокиня Марфа Иоанновна основала Свято-Успенский женский монастырь, и это место стало носить имя Вышинской пустыни. Чуть дальше, в Эммануиловке, бьёт животворный источник, и Эммануил основал деревянный храм Сергия Радонежского. Стоит заброшенное, заросшее крапивой и полынью, господское имение просветителя и мецената Нарышкина. Матфей во второй

половине XVI века проповедовал здесь среди мордвы христианство и основал Николо-Черкеевский монастырь, был положен в иеромонахи. В Казанском соборе хранятся мощи Феофана и чудотворная икона.

Здесь каждая частица пейзажа уникальна. И, не смотря на то, что проходил по левобережью Цны ногайский шлях, по которому совершали набеги татаро-монголы на Русь, здесь живёт добрейший народ с хорошим чувством юмора. Это отражается в названиях сёл – ни одного злого имени, но стоят деревни Блины Съедены, Золотая баба, Добрый вечер, Заря, Веселье, Цветки, Добродушное, Сшиби-Колпачёк, Снова-Здорова, Добрые Пчёлы. По преданию, хозяева пяти сёл по проезду царицы Екатерины вывели своих крепостных на обочину дороги и научили кланяться и кричать: «Екатерина, милость Ваша, кормилица наша!» Она была удивлена и повелела впредь именовать пять деревень соответственно Екатериновка, Милость, Ваша, Кормилица, Наша. Есть село Мыс Доброй Надежды – излюбленное нашей семьёй место рыбалки. Село с трёх сторон окружено водой – озеро и две реки. На единственной дороге часто разбойники грабили обозы, поэтому прорваться к селу на мысу было доброй надеждой на благополучный исход.

Сёла здесь очень чистые, у каждого дома и у дорог – скамьи, расписные поленицы, украшенные резьбой наличники на окнах и ворота. Во многих сёлах есть школы искусств, музеи. И не только краеведческие, а, как, например, в Желановке, имеющие общечеловеческое значение, так оценили собранную здесь коллекцию минералов ЮНЕСКО.

Река

Соединяют две древних земли – Тамбовскую и Рязанскую, чистейшая река Цна. Протяжённость её 446 километров. Чистая вода, рыба... Цна делает множество поворотов, течёт по границе леса и степи. В Ивинских разливах ширина реки достигает полутора километров. В цнянских лесах водятся волки, кабаны, лоси. Волков отстреливают.

Отец мой заядлый рыбак. Окрестные луга объездил и обошёл, знает, какая рыба в каком озёрке водится, знает рыбные места на Цне и Мокше. Он высокий голубоглазый блондин, нравится женщинам. Доярки на летних станах обожают отца, его балагурство, всегда угощают

тёплым парным молоком. Мать его ревнует. С высоты лет полагаю, что не без оснований. Уход на рыбалку всегда сопровождался скандалом. Иногда мама навязывала ему нас, детей. Я эти часы очень любила, меня не пугали комары и пауты, коих всегда у воды много. Караулила стан, с удовольствием ела уху. Мужчины приглашали: «Похлебай ушницу, глазастая! Ишь как на отца похожа.» Мне это было приятно. Летний зной, прохлада реки, пышная зелень заливных лугов – в траве мог спрятаться всадник на коне, тяжёлый аромат цветов и листьев, луговая земляника по опушкам – всё осталось в памяти ребёнка.

Помню два случая.

Отец везёт меня на мотоцикле. Съезжаем на мост через овраг. С другой стороны несётся, не замедляя хода, грузовик. Отец, уворачиваясь от столкновения, съезжает по крутому, почти вертикальному, склону. Лопухи колючками вкупе с крапивой жалят мне ноги. Сажу на багажнике, лежу на спине отца, держусь за него. За долю секунды понимаю, что я ему мешаю, хватаюсь за маленькую ручку заднего сиденья. «Держись, Таня, – кричит отец. Я спокойно говорю: «Не бойся, я удержусь!». Товарищи отца грозят кулаками вслед скрывшемуся в облаках пыли грузовику. Водителя, одуревшего от водки, узнали, здесь все друг друга знают. Не дай бог попасться ему сейчас в руки отцу, двухметрового роста человеку с весом в сто двадцать семь килограммов. Долго и трудно вытаскивается мотоцикл со дна оврага. Отец потный и красный, у него дрожат руки. Растирает грудь: «Сердце прихватило... Танюша, мать пугать не будем, не рассказывай никому, а то на рыбалку пускать не будут». И я не проболталась. Но сколько бы раз ни проезжала через тот овраг, всегда липкий страх заползал в душу, вспоминалась стена оврага, почти стоящий на переднем колесе мотоцикл, мокрая спина отца и дрожь своих рук от напряжённых попыток удержаться, не вывалиться через голову отца, под мотоцикл.

И второй случай. В пятницу отец был в Москве. Привёз оттуда обувь для меня, чудесные белые кожаные тапочки. Помнится, детской обуви в провинции в продаже не было, доставали её с большим трудом. Я была счастлива от того, что у меня такая обновка, и не важно, что были тапочки великоваты, что я сразу же сбила ими в кровь ноги. В воскресенье едем на рыбалку. На заливных лугах

остаются после разлива вешних вод небольшие озера в низинах и в некоторых есть рыба. Называется такая рыбалка «черпать карася». Отец с другом бреднем прочёсывали одно озеро за другим. Я стояла на сухом пяточке с бидоном в руках, в него бросали пойманную рыбу. «Таня, забирай!» – окликнул отец. Я прыгаю с кочки на кочку, но приблизиться боюсь, так как рядом пасётся стадо коров, а я их смертельно боюсь. Какая-то корова пошла ко мне, я от страха сорвалась на влажную землю и побежала с плачем. С ноги свалился новый белый тапок, но поднять его я не осмелилась, так как корова ускорила шаг. Отец поймал меня раскинутыми в сторону руками уже в воде: «Куда несёшься?! всю рыбу распугала! Испачкалась, от матери влетит. Тапки где?» «Потеряла...». Пошли искать. Обошли весь луг, но пропала обувка. То ли корова копытом вдавила в грязь, то ли наполнился водой и затонул. Не нашли. До конца лета я ходила босиком.

В какой-то день мать жалуется молодой соседке, муж которой постоянный спутник отца, что из-за рыбалки отец её бросает. «А ты с ним увязывайся!» – советует та. Отец подсмеивается, но мама уезжает с ним. С того дня мама много лет подряд сопровождает отца на рыбалке. Рыба – существенное дополнение к рациону. Она есть всегда: жареные в сметане караси, стерлядь, окуньки на уху, заливное из щурят, вяленые лещи, солёные щуки. В окрошку кладут кусочки солёной щуки – очень вкусно. Это блюдо нигде, кроме нашего дома, мне больше не попадалось. И рыбы было много. Хорошо помню, как однажды под утро привезли 47 килограммов щурят. Улов взвесили из любопытства безменом. Рыбу раздавали соседям. Мне доставались бесконечная чистка и укладка ломтиков в противни по готовности – для заливного, противни опускались в погреб. Это блюдо называлось «рыбный холодец».

Река Цна в районе Сасово широкая. От зари до зари плескались мы в её водах летом. Я вставала в шесть часов утра и бежала на речку купаться и возвращалась к уходу родителей на работу – поесть, показаться на глаза, а потом снова ускользала – уже на весь день. На берегу было очень интересно. Огромное количество молодёжи – на том берегу располагается Лётное училище, а это несколько сот молодых мужчин курсантов, каждый из которых хотя бы раз за день

приходил на речку окунуться, вся окрестная детвора и малышня, плавающая с мокрыми взбитыми наволочками – надувные резиновые круги ещё редкость, ловцы раков, рыбаки. По железнодорожному мосту с интервалом в десять – пятнадцать минут громыхают составы, и любимое занятие – считать количество цистерн, вагонов и платформ. Здесь же ходит паром, и с взлётной полосы аэродрома каждые пять минут взлетают учебные самолёты.

Среди курсантов Лётного училища было много командированных из стран Азии и Африки, получивших или ещё борющихся за свою независимость – Ганы, Мали, Алжира, Кубы и т. д. Чёрные люди среди белобрысых рязанцев выглядели очень экзотично. «Свят, свят, свят!» – крестились старухи, остолбенело глядя вслед. Иногда, не стесняясь, останавливали: «Дай, милоч, на тебя посмотреть. Откуда ты такой чёрный взялся?!» Наше поколение стеснялось такого поведения старших и, по мере возможности, пыталось пресечь, оттаскивая любопытных, призывая на помощь цитаты об интернационализме и революции.

С рекой и африканцами связан один эпизод моей жизни. Плавала я как рыба. Вода тёплая позволяла заплывать на полтора часа против течения, чтобы потом спуститься за час к оставленной на берегу одежде. Как-то увидела в воде чёрную голову с серыми губами, пускающую пузыри. То скрывается под водой, то, выныривая, кричит, захлёбываясь: «Плыву, я плыву нет!» Не сразу поняла, что негр тонет. А, понявши, стала толкать его к берегу, подныривая под него и давая возможность держать голову на поверхности и дышать. Только рядом с берегом кто-то мне помог его вытащить. Сделали очистку, перегнув тело через колено, вода из лёгких вышла. Народ набежал, курсанта на руках унесли на гору в училище. Я тоже нахлебалась воды, меня отшлёпали, отдышалась и прокашлялась сама. Все успокоились. Я бы забыла об этом, но не дали. Стоило мне на следующий день, и во все последующие, появиться на берегу, как вокруг меня тут же собирались негры. Хлопали по плечу, говорили «спасибо», совали конверты с марками, привозили с каникул презенты. У меня сложилось впечатление, что африканские курсанты передавали меня как эстафету всем последующим заездам. У меня появилась великолепная коллекция марок бывших африканских колоний, эти же марки, но

с наשלёпками, что государства суверенные, и первые марки уже полностью независимых государств.

Вот только жизнь моя была испорчена. Людская молва: «Связалась с неграми», – навлекла на меня кучу бед. От меня шарханулись знакомые девочки, у отца начались неприятности на работе, меня перестали выпускать на прогулки. Несправедливые нарекания добились меня психологически. Я отлично училась, к этому невозможно было придраться, была комсоргом класса. Обо мне слагали легенды и сочиняли сплетни. Например, я сбежала из дома с негром. Куда, зачем? Я не понимала логику поступков и смысл речей сплетников. Зачем было травить ребёнка? Защищаться было совершенно бессмысленно, это я поняла в детстве, и много раз убеждалась впоследствии, что это правильно. Училась различать настоящих мужчин и тех, кого не слишком уважительно именуют мужским полом. К сожалению, в жизни чаще встречаются вторые. Интуиция – внутреннее чутьё, подсказывала, на кого стоит обратить внимание. Интуиция подсказывала, что нет ничего зазорного или постыдного в желании доставить радость общения людям, которые мне симпатичны, или как-то ещё выразить свои чувства.

В девятом классе мне понравился один мальчик из десятого. Отличался от всех других знакомых одноклассников и соседей – Толик Ларюшин. Его отец был главным редактором городской газеты, интеллигентная семья. Толик был всегда подтянут, аккуратно одет и подстрижен, с неразболтанной, а спортивной походкой, умудрялся не сквернословить даже в толпе мальчишек. С ним не была знакома. Обожала издали. Мне почему-то казалось, что он должен любить полевые цветы. Я вставала очень рано, с солнцем, у меня всю жизнь такая привычка. Выбегала из городка на луг, это было недалеко от дома, через пять-шесть улиц. Там собирала букетики васильков и ромашек и бежала с ними на другой конец города к его дому. Прокрадывалась мимо окон, клала букетик на крыльцо, и возвращалась домой, чтобы успеть к подъёму родителей в семь утра. Мне было радостно это делать! Осенью я ушла из дома, чтобы никогда туда не вернуться.

Познакомилась я с предметом своего обожания четыре года спустя. Он, будучи студентом Рязанского радиотехнического института, женился на моей однокласснице и почти однокласснице. Мы

поступали вместе. Набрали одинаковое количество баллов, она была зачислена, её родители заплатили кому-то в приёмной комиссии, а я поступила только со второго захода, платить моим родителям никогда и в голову бы не пришло. Свадьбу справляли в его родном доме. Я была приглашена подружкой накануне торжества познакомиться с будущим мужем. Оторопела, узнав, кто он. Пошёл меня провожать, и мы просидели до утра на скамейке у нашего дома. Узнала, что он был в меня влюблён в школе, но не осмелился подойти, что он посылал мне записки на школьных балах на почтовый номерок за подписью «философ». И я призналась, что носила ему цветочки. Это возымело неожиданное действие: его отец воспринял мои букетики как знак внимания к его жене. Насторожился, и отношения их, после недолгих ссор только укрепились. Горюча Толик решил отменить завтрашнюю свадьбу, но я напомнила, что подружка беременная. Посокрушались, что не встретились в Рязани, это и вправду было удивительно, так как учились рядом. Видимо, он что-то сказал жене, она никогда больше не приглашала меня к себе. Зимой они разошлись, но я уже уехала на практику в Сибирь. Он появился в Новосибирске осенью, но не нашёл меня. Об этом написала мама. У меня уже был к тому времени любимый. Мало ли как жизнь повернулась бы при тех или иных обстоятельствах.

Сплетники пытаются поднаться в собственных глазах. Но не могу же я заткнуть рот, запретить говорить. Могу сказать, что большую часть я не знаю, даже не знакома с ними. Никто от меня не слышал хамских грубых слов. Я всегда старалась сделать что-то даже для тех, кто мне не симпатичен. Никогда не мстила за оговоры. А это всегда душевная травма, удар по психике и самолюбию. Зачем усугублять, умножать обиды?

Вот и о семейных отношениях то же самое. Пишут, будто каждое третье дитя появляется на свет не от того отца, который записан в метрике. Жёны изменяют мужьям, но не с фонарными же столбами, а с чьими-то мужьями. Вот и получается: как аукнется, так и откликнется. Не надо рыть яму другому, тогда и собственный ребёнок не будет похож на соседа. Что толку говорить обидные вещи друг другу? Никто никого насильно в постель не тянул, к чему всё опоздать и перечёркивать? Лучше сохранить светлые воспоминания и хорошие отношения, не унижать достоинства друг друга. Челю-

век, пусть на время, отдал себя, посвятил часть жизни тебе и детям. Я никогда не скупилась на поступки. Душевная щедрость – она всегда окупается. Многое зависит от собственного взгляда на людей: если видишь в окружающих подонков и уродов, то они, скорее всего ими и окажутся.

Стараюсь не относиться к жизни с предубеждением, не настраиваюсь на негатив, не жду неприятностей. Хотя сталкиваюсь с предательством и с людской непорядочностью.

Улица Делегатская

Улица Делегатская была одной из окраинных улиц. Параллельно ей шла ещё только одна, Колхозная. На ней действительно располагалось правление пригородного колхоза. Затем начиналось колхозное поле, стояла скотобойня. Всё это огромное пространство, засеиваемое пшеницей и кукурузой, перемежалось оврагами, которые нас очень манили. Думаю, что наши родители вряд ли подозревали о том, что их дети путешествуют по оврагу, а не качаются на качелях в Пионерском сквере в квартале от дома. Сейчас на этом месте выстроены два микрорайона с высотками.

Улица была далеко от центра, крайне не удобна для передвижения весной и осенью из-за оврага. Да и зимой тоже, так как с высоких снежных горок-склонов мы катались на санках прямо по проезжей части. Транспорт по ней почти не ходил. И это сохранялось длительное время спустя, когда уже был построен мост через овраг. Ходить по улице Делегатской в дождь и распутицу было делом затруднительным, район-то чернозёмный, а улица немощённая, с колеями-канавами по самой середине. По оврагу текли беспрерывные потоки мутной воды, направляющиеся сюда с полей, соседних улиц, несущие с собой разный мелкий хлам, в котором мы любили копаться.

Вид от дома был замечательный: в оба конца улицы и на базарную площадь. В палисадниках каждого дома росли яблони, вишни, груши, сливы, кусты жёлтой акации и сирени. Некоторые деревья близко подходили к заборам и свешивались над ними. У каждого из детей дома были яблоки, но высшей формой ловкости и смелости считалось забраться в чужой сад и нарвать яблок на всю компанию. Хозяева немилосердно ругались и, если ловили, вели к родителям. Частные сады и палисадники перед

домом были у всех. Улица, да и весь город, утопали в зелени. Воздух моего детства был чистым.

В домах по соседству жили врачи и медсёстры, отставные полковники и капитаны, милиционеры. Вспоминаю медсестёр тётушек Галин Канатову и Тугову-Сенатову, врачей и журналистов Синяковых, военного хирурга Туршева, милиционеров дядю Ваню Суворова и Николая Наумова, инженера-радиофизика Юру Кузнецова.

У дома Синяковых всё дворовое пространство улицы по периметру было засажено американским клёном, пышно разбросавшим кроны. Под их сенью мы прятались от дождя. Под ними между двух стволов стояла скамья, на которую усаживали зрителей на дворовых концертах. В их кругу мы играли в русскую лапту, городки, классики, прыгали через верёвку по одному и целыми компаниями. С крыши их сарая я прыгала с зонтом вместо парашюта, упала спиной на старые доски с гвоздями. Отец Олега нёс меня на руках в дом, целовал в щёки, чтобы не плакала от боли, отирая губами слезинки. Было больно и приятно. Когда стало возможно, молодые Синяковы возвратились в Ригу, а бабушка, величественная старуха, осталась и привечала нас.

Дядя Ваня Суворов спасал меня от козней мальчишек в парке. По выходным дням в парке играл оркестр, были танцы. Я на них ещё не ходила, но с девочками, взявшись под ручки, мы ходили в парк «гулять». В моде были пышные юбки «татьянки» с очень большими и почему-то располагающимися на линии подолов карманами, под которые надевались ещё нижние накрахмаленные и стоящие колоколом юбки. Заплеталась одна коса, из перекинутых на одну сторону волос, коса перекидывалась на грудь, и, чтобы не мешала, затыкалась под широкий пояс-корсаж. Мама отдала мне свои китайские туфли-лодочки на каблукках. Сшила себе платье из ткани, которую отец получил в премию, тогда это было в порядке вещей – так поощрять за хорошую работу. Шла, совершенно счастливая, по дубовой аллее, обставленной по краям бетонными вазонами с цветами на высоких постаментах. Мальчишки меня уже примечали. Поймали, посадили в вазон и, задрвав верхнюю цветную юбку, завязали её вместе с руками на шее верёвочкой, оставив нижнюю юбку, которая и прикрывала меня. Я сидела наверху в вазе и тихо скулила, стараясь, чтобы

меня не замечали, знала, что засмеют. Дядя Ваня дежурил, присматривая за порядком, и, обходя парк, обнаружил меня. Ругаясь, вытащил меня оттуда, шлёпнул по заду и сопроводил домой. Платье было испорчено, и мама восстанавливала клумбочку, пересадив настурции из нашего палисадника.

Юра Кузнецов установил на крыше своего дома громоотвод. Я чувствовала себя в грозу лучше всех дней, любила её и бегала под дождём по тёплым лужам. Дважды на моих глазах молнии ударяли в штырь, а однажды попала и я. Молния ударила в трансформаторную будку на Дёповской, когда я находилась рядом в лужице. Я увидела над собой голубой колодец, опрокинутый в небо. И всё. Я шла домой спокойно, а мама бежала навстречу, потому что ей успели сказать, что Таню молнией убило. Я же смотрела пожар – будка сгорела.

В мае месяце в тёплые вечера мы ловили сачками майских жуков и сажали их в спичечные коробки «шуршать». Ими обменивались в школе. Играли, поедая их жареными, всерьёз, в качестве детского угощения. Сачки были у всех. Ловили ими бабочек и мух для рыбалки. А угощением служило всё, что можно было засунуть в рот, не боясь отравиться: зелёные крылышки семян клёнов, кашки – соцветия клевера, вишнёвый клей – смолку, бзнику – дикий паслён, траву и почти все семена, зелёные недозревшие яблоки и груши.

Ещё одно воспоминание. Как только заканчивались занятия в школе, нас, детей, увозили в лес, к знакомым лесникам на «витамины». Садилась на «рабочий» поезд и ехали за Кустарёвку, в сторону Земетчина, в Потьминские дебри. Там, в домике путевого обходчика нас оставляли. Рано утром, по росе ещё, на огромных земляничных полянах Макоши собиралась лесная ягода. Таких огромных полян я нигде больше за свою жизнь не видела и не встречала. Большое ведро только что собранной земляники вываливалось в большой же эмалированный таз. Ягода заливалась холодными сливками, вымешивалась до розовой пены. Нам вручали деревянные расписные ложки и заставляли есть эту одуряющую пахнущую массу. В первые минуты поедалось с охотой, а потом мы ею уже давились. Почему-то считалось, что два-три таза ягоды со сливками поправляют нам здоровье после зимы. Как мы злились на эту процедуру оздоровления в детстве! И с какой нежностью

я вспоминаю каждый июнь, прожитый в Сибири, эту нежнейшую земляничную массу, чувствую её вкус и запах. Увы, повторить это не удаётся. После многих попыток я нашла весьма отдалённо приближенный сибирский вариант: луговая клубника вместе с черешками, цветочной пыльцой, жуками и букашками прокручивается через мясорубку, вымешивается с сахаром в пропорции одна часть ягоды и полторы части сахара и так хранится всю зиму. Две ложки этой массы заливаются молоком, вымешиваются и подаются в моём доме как земляничный суп. Наши знакомые в восторге от этого блюда. Но... луговая клубника не лесная земляника, более груба. И не только что сорванная с полянки ягодка, а из банки... И сахар, да и молоко из пакета совсем не сливки от пасущейся под окном бурёнки.

Овраг

Овраг – гигантская земляная прорва. Оврагов в окрестностях было много. Один из них проходил через дом от нас. Его приходилось переходить каждый день по дороге в школу, в магазин, на детскую площадку в Пионерском сквере и т.д. По весне он становился опасным. Талые воды с окрестных полей стекались в овраги. Это называлось в нашем краю «овраг бушует». На нашей улице через овраг построили мост, но не сразу. Для ребятни и взрослых вид бушующего оврага был развлечением. Бродить мощный поток было опасным для жизни, вода сбивала с ног. Наши соседи снимали по весне секции штакетника, чтобы не обрзались заборы. Однажды я спасала своего брата, который в эмалированном тазу отправился путешествовать по внешним водам нашего оврага.

Совсем рядом с городом был ещё один овраг, имевший собственное имя – Дубовый. Говорят, что раньше, в древние времена, по его берегам были дубравы, то есть росли дубовые рощи. Овраг этот тянется на десятки километров, имеет глубину до сотни метров. Молва приписывает оврагу славу базы разбойников – кудеяров, схрона языческих жрецов, укrywшихся там во времена насаждения христианства. Христианизация нашего края затянута надолго. Ещё в XVIII веке в рязанской земле проповедовал Феофан – затворник.

Мне было пять или шесть лет, когда я совершила первое самостоятельное путешествие. Так уж получилось, что оно состоялось именно в Дубовый овраг. Надо сказать, что в него без крайней

надобности никто не заглядывал. Я это путешествие помню во всех деталях. У оврага были обрывистые глиняные склоны в лисьих норах и волчьих логовищах, по дну густые заросли травы. В шестидесяти годах там были обнажённые подземные ходы, били родники. Каким-то образом я прошла по дну оврага, рассмотрев всё. День солнечный, жаркий. Подошла к укрепленной брёвнами пещерке и заползла в неё. Рядом был обложенный деревянным срубом и ухоженный источник. Кто его обустроивал в пустынном месте, для кого? Не знаю, во сне это было или наяву. Я играла с маленькими человечками. Из кармашка, помню, достала хлеб, политый подсолнечным маслом и посыпанный солью. Бабушка всегда заворачивала нам в салфетку это лакомство. Мне не пришлось есть. Маленькие человечки отщипнули по кусочку и унесли куда-то, а мне вынесли луговую землянику. Я брала её с листа лопуха, почему-то так запомнилось. Потом провал в памяти. Приснилось, что меня несёт большой волосатый человек, я даже подёрнула редкую шерстку на груди и руках. Лица не помню, оно расплывалось, я никак не могла его рассмотреть, но было мне спокойно.

Тот день закончился самым удивительным образом. Вышла из дома в семь часов тридцать минут утра. Прошла всю улицу до конца, вышла в чистое поле в восточном направлении, а это никак не менее пяти километров, я прошла ещё овраг, и, не понимаю как, оказалась на дороге у села Фроловское, между Мосоловым и Фроловским, к западу от города, в девятнадцать часов. Ещё более удивительно то, что в этот момент моя бабушка оказалась на той же дороге в том же самом месте. Зачем-то она собралась и пошла навещать подругу, которая жила в том селе, в неподходящий день и время суток.

С этого дня, кажется мне, я стала видеть яркие красочные сны о самой себе, но не в этой жизни, а в других. Много лет мне снятся сны с продолжениями и узнаванием деталей, одни и те же: я танцую на горящих углях в каком-то рве, в другом сне танцую на веранде между колонн и двух светильников? факелов? в каком-то храме, встречая рассвет, в третьем танцую ритуальные танцы. Снятся и каменный город на берегу коричневой реки с красной землёй и высокими, в пять раз выше кедров, хвойными деревьями, над которым летают ячеистые сферы.

Много позже, уже живя в Сибири, я

слышала и читала о том, что именно в том месте над деревней Мосолово являются часто по рассказам очевидцев НЛО. В 1999 году на XVIII Зигелевских чтениях научный сотрудник института физиологии растений В. Ю. Шумилов прочёл доклад «НЛО и принцип скрытого наблюдения», в 2001 году на XXII чтениях – «О наблюдении и фотографировании НЛО». В обоих докладах фактически рассказывалось об одном и том же месте, Мосолове. Именно здесь наблюдаются самые разные аномальные явления, а в 1989 году, неподалёку даже произвёл посадку техногенный НЛО.

А в Сасове тоже был взрыв, объяснить который не могут учёные.

Храм из своих снов я увидела в документальном фильме о памятниках культуры Ливана. Я узнала Баальбек, святилище Баала (Юпитера, Хадата). Конечно, это были развалины. Двадцатиметровой высоты и по два метра в диаметре, столпы Баальбека в три раза выше столпов Парфенона. Я узнала место храма Венеры. Знать бы ещё, где находится коричневая река, на которую смотрю с каменной веранды.

О мистике и реке Мокше

Имя бога всегда первично. Культ славянской богини был распространён в России. Ряд исследователей связывают её со всем нижним, левым, тёмным, влажным. С дождём, ночью, половой жизнью и плодородием. Однако ни одно из этих представлений не соответствует действительности. В разных местах России встречаются другие произношения: Мокошь, Мокша, Макеш, Магощ. От последнего, по мнению исследователя славянского вопроса Г. Глинки, жившего в XIX веке, происходит слово «могушь» (могущество, которое связано с богатством, а поэтому Макошь он считал богиней скота) По представлению Б. А. Рыбакова и других исследователей Макошь является богиней плодородия. В действительности же Макошь (Ма – мать и кош – судьба) можно прочесть как «мать судьбы». Устойчивое древнерусское словосочетание «мать – сыра земля» подтверждает вывод, что в древности мать и земля означали одно и то же. На это же указывает имя египетской богини нижнего мира «Ма». Поэтому именно Макошь является олицетворением стихии земли. Конечно, она не только даёт плодородие. Благодаря этой стихии могут происходить и землетрясения,

которые опять же ею могут быть остановлены. Она ведала всем богатством Земли и могла допустить или закрыть доступ к ним. Как пишет Е. Блаватская, Машмак (имя созвучно с Макошью) у атлантов означало силу, которая в один миг могла стереть в порошок целые города и разрушить мир. Ряд исследователей связывают её имя с санскритскими корнями «Мук» (освободить, отпустить), Другие – со словом «мокша» (освобождение, утеkanie, смерть). Но это вторично. У китайцев Ма Гу – бессмертная дева, помогающая людям, похожа на восемнадцатилетнюю фею. Впоследствии её стали называть Магушань.

Наша речка Мокша действительно левый приток, вытекает из леса и освобождено течёт по лугам. Ничего этого в детстве я не знала. Но я знала, что есть в наших лесах древнее капище Макоши, с каменным выступом на алтаре. Знала, что бабушки хранительницы ухаживают за ним. Я чистила каменный выступ, очищала его ладошками. В этом месте женщины лечились от бесплодия. Знала я и об отголосках древнего обряда хранительниц – лишения одной из женщин рода невинности на камне-фаллосе. Это была жертва Роду.

Бабушки молились:

Род мой! Просвети и вразуми Ум,
Душу и Сердце дочери Божьей Татьяны.

Отверзни уши и очи сердечные, дабы смогла принять и признать тебя.

Род мой, пробудись!
Род мой, поднимись!
Род мой соберись!
Род мой, защитись!
Род мой, сохранись,
укрепись, исцелись.

Я помню сны-видения своего детства. Перед купальным сезоном снился высокий седой старик с копьем. Он появлялся передо мной, вырастал до облаков и предупреждал, чтобы опасалась воды, отодвигал меня от себя и воды копьем. Это повторялось много раз. И все картинки, какие он показывал, сбывались. Я тонула, попадала в огонь. Последнее предупреждение сбылось в Восточной Сибири, в Улькане. Перед поездкой увидела тропу, вдруг над рекой превращающуюся в стальной узкий путь и чёрный прут над дорогой. Случилось так, что ехали на мотоцикле, я сидела на заднем сиденье. Через реку Улькан был перекинут рельс, по нему и стали переправляться. У противоположного берега вдруг увидели рельс второй, которым загородили опасный путь от любителей экстремальной езды. Я вспомнила сон и закричала, чтобы спутник пригнулся, и откинулась сама назад. Мы проскочили под препятствием. Спутник спрашивал меня, как я узнала, что такое препятствие будет, а объяснить это было невозможно.